

Однако этот голос по сравнению с душевными потрясениями, которые дарили ему онлайн-игры, был совершенно ничтожен. Иногда, когда он останавливался, чтобы сделать глоток воды, его охватывало недоумение: «Что-то не так? Это всего лишь игра, не убийство и не поджог».

И тогда он приходил к выводу: «Ничего неправильного нет. Ты просто очень расстроен и тебе нужен способ выплеснуть эмоции».

Когда наступила ночь, Сун Баобао буквально оторвал Шао Ицяня от компьютера. Похитившись по сторонам, словно вор, он набрал на клавиатуре пару символов и тихонько сказал:

— Я покажу тебе кое-что интересное.

Шао Ицянь потер глаза, откинулся на спинку стула и закинул руку на соседний стул, устроившись с максимальным удобством. Скучаяще хмыкнув, он произнёс:

— М-м?

Прежде чем на экране появилось изображение, звуки в наушниках буквально оглушили его. Это был такой голос, от которого кровь прилиwała к лицу, а следом на экране появилась женщина, практически без одежды... и мужчина за ней в таком же виде.

Сун Баобао покраснел как рак, лишь изредка бросая косые взгляды на монитор, и с важным видом заявил:

— Япония, HD, без цензуры.

Шао Ицянь бросил на экран беглый взгляд. Там были только ноги и тела, только мясо и мясо. Вместо возбуждения он почувствовал лишь отвращение, а звуки в наушниках становились всё наглее. Раздражённый, он снял наушники и начал крутить их на пальце, без всякого интереса бросив:

— Говори по-человечески.

У Сун Баобао загорелись глаза. Видя, что Шао Ицянь почти не реагирует, он смело уставился на экран, и его голос зазвучал восторженно:

— Слышал про японцев? Их режиссёры просто боги. Снимают фильм: одна комната, одна кровать, мужчина, женщина — и готово.

Шао Ицянь взглянул на время, и бровь его дернулась. Когда он выходил из дома, ещё не было обеда, как же получилось, что время промелькнуло до девяти вечера? В девять часов бабушка Шао обычно переключала на оперный канал.

Но в душе поднималось сильное нежелание возвращаться домой, и он спросил невзначай:

— Твоя конура сможет приютить меня на ночь?

Сун Баобао не задумываясь ответил:

— Как хочешь.

Но не прошло и трёх секунд, как Шао Ицянь пожалел о своей просьбе. Он никогда не ночевал вне дома: как бы поздно он ни гулял, дома всегда ждали и оставляли открытой дверь.

Эти мысли вызвали в памяти тёплые воспоминания о семье, словно замедленная съёмка, которая начала прокручиваться перед его глазами. Хотя его кровать была старой, скрипучей, а в порыве гнева пружины часто прищемляли ему кожу, но как бы она ни была разбита, привыкнуть к ней можно, и чувства, естественно, появились.

Возвращаться или нет?

Если не вернуться, бабушка в таком возрасте, неизвестно как будет переживать; если вернуться, правда совсем не хочется видеть портрет старого Шао с синим фоном на поминальном столе.

Он постучал носком по земле, не в силах решить, что важнее, и достал из кармана монетку. Бросив орла или решку, он в итоге решил всё-таки заглянуть домой. На самом деле он сейчас немного корил себя, зная, сколько глупостей натворил за день и сколько нелепых вещей наговорил, от которых можно было лопнуть со смеху. Если спокойно подумать, старик Шао просто умер, небо не рухнуло, земля не разверзлась, бабушка Шао цела и невредима, и дом на месте.

Ах, да. Даже если не жить дома, нужно хотя бы извиниться перед Янь Янем. Настоящий мужчина должен стоять твёрдо и отвечать за свои поступки.

Так он попрощался с Сун Баобао и вернулся домой.

Когда он пришёл, дверь действительно была открыта.

Шао Ицян всё время опускал глаза, стараясь избегать взгляда на портрет в синей рамке в зале, но чувствовал себя жалким. Говорил себе: «Не смотреть, не смотреть», но, проходя мимо, не выдержал и бросил взгляд.

...И тогда он решил, что как минимум месяц домой не вернётся. Эта штука слишком разрушительна, пока он не может этого видеть. Это решение было чем-то вроде «затыкания ушей, чтобы не слышать грома», самообманом, но другого способа он не придумал.

Из окна было видно, как Янь Янь, засучив рукава, сидит на полу и моет ноги бабушке Шао. Свет там выглядел очень тёплым. Шао Ицян неосознанно сделал несколько шагов вперёд и случайно пнул бутылку из-под белой водки, оставшуюся после похорон. Раздался очень звонкий звук удара стекла.

Первой реакцией Шао Ицяня было развернуться и уйти.

Но Янь Янь уже догнал его.

— Шао Ицян! Стой!

Только выбежав за ворота, Янь Янь крикнул.

Шао Ицян на мгновение замер, а затем пошёл ещё быстрее.

Янь Янь в пару прыжков настиг его, схватил за рукав и начал сыпать вопросами:

— Куда бежишь? Что, сзади монстры гонятся? Где ты весь день пропадал, прижался?

У Шао Ицяня задёргалась жила на виске. Ему очень не понравился этот явный допрос, он подумал: «И я ещё собирался извиняться!»

Холодным тоном он произнёс:

— Тебя это касается? Реально возомнил себя старшим?

Янь Янь обошёл его и прямо сказал:

— От кого прячешься? Тётя оставила тебе обед и ужин на плите. Дядя только что умер...

Он не успел договорить, как Шао Ицянь внезапно рванулся вперёд, толкнул его, и тот упал. Каменистая дорога больно ударяла по голове. Когда боль пронзила затылок, Шао Ицянь коленом упёрся ему в грудь, а рукой прижал к горлу.

Лицо Шао Ицяня ничего не выражало, он холодно произнёс:

— Повтори ещё раз?

В его глазах на мгновение вспыхнула столь реальная убийственная ярость, что Янь Янь невольно съёжился. Он сразу понял, какое слово стало спусковым крючком, но, поколебавшись секунду-две, всё же громко сказал:

— Твой дедушка умер!

Как только слова сорвались с языка, он почувствовал, что рука на его горле сжалась ещё сильнее. В тот же момент Шао Ицянь схватил кирпич, лежавший рядом, и замахнулся вниз.

Янь Янь вообще не ожидал, что он дойдёт до такого. В шоке он инстинктивно зажмурился, но ожидаемого ощущения «вскрытия черепа» всё не было —

Кирпич в руке Шао Ицяня прошёл мимо его уха и грохнулся об землю.

Человек сверху холодно произнёс:

— Думаешь, я не посмею тебя ударить? Слушай внимательно, это предупреждение. В следующий раз будет по-настоящему. В будущем, увидев меня издалека, лучше обходи стороной.

Янь Янь вырвался, собрал силы и рванулся вверх, устроив лобовое столкновение по принципу «убить врага ценой тяжёлых ран». Чётко и ясно он выговорил:

— Выкинь свои хлипкие сопли. Ушёл один старик, но не забывай, дома ещё есть старушка! И лучше бы ты сейчас ударил по-настоящему. А то я буду отчитывать тебя каждый раз, как увижу. Либо ты прячься от меня.

Шао Ицянь застыл:

— ...

...Успешный пример того, как угроза обернулась против угрозчика.

Он посмотрел вниз, и Янь Янь смотрел на него с гневом. В его глазах отражался звёздный свет, и они казались особенно яркими. Взгляд всегда казался чистым, в нём таилось упрямство, которое никогда не сдавалось. Шао Ицянь невольно отвёл взгляд.

Янь Янь в пару приёмов вырвался из захвата, встал, наступил на ногу Шао Ицяня и с силой

вдавил:

— Есть смелость — иди следом за дедом. Нет смелости — сиди смиренно. О, вся семья, и только ты один страдаешь, только тебе одному тяжело?

Ему было мало, он вытянул указательный палец и начал тыкать в грудь Шао Ицяня:

— У тебя что, сердце есть? Жена твоего деда уже пережила это, а ты что, собираешься в подземный мир за ним?

Шао Ицянь сейчас сильно жалел. Он просто не хотел признавать, что человек, который только что не смог ударить кирпичом, — это он. Иначе сейчас бы его не отчитывал этот малый, который не доставал даже до его подбородка.

Этот дядюшка менялся каждый день, каждый раз даря ему неожиданное свежее впечатление — от вялого немого, каким он был поначалу, до этого агрессивного лектора.

Нет, он просто копия бабушки Шао!

Шао Ицяня сейчас так и хотелось сдерать с него шкуру и повесить на дверь как штору, развевающуюся на ветру. С таким острым языком это точно был бы оберег от злых духов — редчайший с артефакта шансом выпадения один на десять миллионов, божественный предмет.

...Этот оберег от злых духов, выбежав за ним, очень высоко закатал рукава, руки были ещё мокрыми, а силы, с которыми он тыкал в грудь, были немаленькими.

Янь Янь увидел, что его взгляд начал блуждать, и ущипнул ногтем:

— Говори, разеваешь рот попусту?

<http://bllate.org/book/16843/1549712>